
ПРАВО

УДК 343.14:343.1(476)

История развития правового регулирования преюдиции
в уголовном процессе Беларуси

В.А. ВОРОБЬЁВ

В статье проводится исторический анализ правового регулирования преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси, рассматриваются проблемные вопросы нормативного регулирования преюдиции в уголовном процессе в различные исторические периоды, включая краткую правовую регламентацию в настоящее время. Указывается на слабый интерес к данному институту в уголовном процессе в научной литературе последних лет. На основе проведенного анализа сделаны соответствующие выводы о появлении и развитии норм, регулирующих применение преюдиции в уголовном процессе.

Ключевые слова: исторический анализ, правовое регулирование, преюдиция, уголовный процесс.

In the article a historical analysis of legal regulation of prejudgment in the criminal procedural legislation of Belarus is being introduced; problematic issues of regulatory regime of prejudgment in the criminal procedure throughout different historical periods, including a brief legal regulation of the current period, are being reviewed. An insufficient interest in the scientific literature of the recent years to the institute given in criminal procedure is being pointed out. On the basis of the analysis presented the corresponding conclusions on appearance and development of norms that are to regulate prejudgment application in the criminal procedure have been made.

Keywords: historical analysis, legal regulation, prejudgment, criminal procedure.

Термин «преюдиция» (от лат. *praejudicialis* – относящийся к предыдущему судебному решению, предопределяющий) традиционно применяется для обозначения совокупности обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу. Преюдициальность заключается в недопустимости оспаривания лицами, учувствовавшими в деле, и их правопреемниками в другом процессе фактов и правоотношений, установленных решением суда, которое вступило в законную силу [1, с. 35].

Некоторые авторы обосновано обращают внимание на двойственную природу преюдициальности судебного акта в зависимости от того, кому она адресована [2]. В частности, преюдициальность судебного акта для лиц, участвующих в деле, означает освобождение от необходимости доказывания, а также запрет на вторичное доказывание либо опровержение в другом процессе ранее установленных этим судебным актом обстоятельств. Преюдициальность судебного акта для суда означает обязанность применить установленные этим судебным актом обстоятельства при вынесении судебного акта по другому делу [1, с. 36].

Следует отметить, что правила о преюдиции способствуют процессуальной экономии.

В разное время проблемами преюдиции занимались А.С. Березин, А.Г. Гореликова, А.В. Карданец, У.М. Юсубова.

К сожалению, в настоящее время в литературе, посвященной белорусскому уголовно-процессуальному законодательству, теме преюдиции уделяется крайне мало внимания. Более остальных ее рассмотрел М.А. Шостак [3], однако существуют целые учебники по уголовному процессу, в которых вообще не затрагиваются вопросы преюдиции в уголовном процессе [4].

По результатам анализа исторических документов периода можно констатировать, что до конца XIX в. норм, касающихся преюдиции в уголовном процессе, схожих по смыслу

с современной регламентацией преюдиции в белорусском уголовно-процессуальном законодательстве, не существовало.

В то же время существуют свидетельства, позволяющие утверждать о наличии преюдиции в сфере гражданского законодательства. Как отмечал И.Г. Щегловитов, «единственный преюдициальный вопрос, введенный в процесс до судебной реформы 1864 года Уставом о торговой несостоятельности 25 июня 1832 года (§§ 126 и 127), относился до дел о злостном банкротстве». Статья 85 Законов судопроизводства по делам о преступлениях и проступках 1857 года гласит: «Заключение о злонамеренном банкротстве по торговле производится конкурсом в общем собрании кредиторов, и по утверждении сего заключения коммерческим судом, банкрот, признанный злонамеренным, а равно и участники в подлоге, отсылаются к суду уголовному. Подобным же сему образом поступается и с неоплатным должником неторгового состояния, когда конкурсом он будет признан злостным» [5, с. 99].

Первое упоминание о правовых нормах, регламентирующих преюдицию в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси, появляется после реализации в Российской империи (в состав которой входили белорусские земли) судебной реформы 1864 года. Данные нормы были помещены в стст. 27–31 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС).

Правовая регламентация преюдиции в УУС была заимствована из французского уголовно-процессуального законодательства начала XIX в. В доктрине и практике Франции того времени была выработана сложная система, в которой различались: 1) *questions prealables* – предварительные вопросы; и 2) *questions prejudicielles* – преюдициальные вопросы. К первой группе относились те, разрешение которых входило в компетенцию суда уголовного, но при этом к ним применялись правила гражданского законодательства. Вопросы второй группы не подлежали разрешению в уголовных судах. Последние, в свою очередь, также делились на две группы: 1) *questions prejudicielles a l'action*, без разрешения которых уголовное преследование не могло возбуждаться, а в том случае, если оно уже возбуждено, подлежало прекращению; и 2) *questions prejudicielles au jugement*, т. е. вопросы, порождающие приостановление постановления окончательного приговора до их разрешения компетентным органом. К числу преюдициальных французское законодательство относило следующие вопросы: о факте несостоятельности, о правах на недвижимое имущество, о законности рождения и действительности брака и некоторые другие. Они разрешались гражданским судом и административными органами, и лишь после этого к делу мог приступить суд уголовный [6, с. 47].

Следует отметить, что изначально в уголовном судопроизводстве преюдиция употреблялась в значении предсудимости. Такое мнение разделяет, в частности, У.М. Юсубова [7, с. 16]. В.К. Случевский утверждал, что преюдициальным или предсудимым в уголовном процессе признавался такой вопрос права, который удовлетворял следующим условиям: 1) предметом его должно было быть обстоятельство, обуславливающее наличие преступного деяния; 2) вопрос должен быть разрешён другим судом, а не судом, решающим вопрос о виновности [8, с. 224].

Рассматривая проблему введения преюдиции в уголовное судопроизводство, целесообразно упомянуть несколько мнений современников судебной реформы 1864 года. Так, один из разработчиков Судебных уставов, являвшийся инициатором введения преюдиций, сенатор Н.А. Буцковский рассматривал их как «положительные правила, имеющие очевидную целью предупредить несогласные между собою решения по одному и тому же делу в судах гражданском и уголовном» [9]. По мнению И.Г. Щегловитова, установление системы предсудимости было обусловлено недоверием к порядку разрешения уголовным судом вопросов гражданского права [5, с. 17].

Статья 27 УУС имела следующее содержание: «Если определение преступности деяния зависит от определения в установленном порядке прав состояния или собственности на недвижимое имущество, или же свойства несостоятельности обвиняемого, то преследование уголовным судом не возбуждается, а возбужденное приостанавливается до разрешения спорного предмета судом гражданским» [10].

Другое положение преюдициального характера было сформулировано в статье 28 УУС, имевшей следующий вид: «Обнаружение преступления или проступка при рассмотре-

нии дела в суде гражданском не освобождает уголовный суд от надлежащего производства для определения уголовной ответственности обвиняемого» [10]. Статья была включена в Устав с целью привлечения к уголовной ответственности лиц, преступления коих обнаружены при рассмотрении гражданского дела.

Эта норма применялась в сочетании со статьей 8 Устава гражданского судопроизводства (далее по тексту – УГС). В соответствии с данной статьей, когда во время производства гражданского дела из обстоятельств одного откроется противозаконное действие, требующее уголовного преследования, то с передачей его предмета через прокурора в уголовный суд производство гражданского дела приостанавливается, если разрешение одного зависит от рассмотрения уголовного обстоятельства [11].

А. Фон-Резон полагал, что статья эта вызвана тем соображением, что гражданский суд не вполне компетентен при определении состава уголовных преступлений и что поэтому, чтобы избежать возбуждения лишних уголовных дел, правильность взгляда суда предварительно проверяется лицом вполне компетентным – прокурором [12, с. 45]. Получив постановление суда об усмотренном им противоправном деянии, прокурор обязан был проверить сообщение и дать заключение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного преследования. Если статья 8 УГС содержала общие правила по поводу обнаружения преступлений на суде гражданском, то статья 563 УГС предусматривала специальный случай: «Если заявивший спор о подлоге акта прямо обвиняет кого-либо в сем подлоге и совершение подлога не покрыто давностью или смертью обвиняемого, а равно и в случае, когда акт после проверки в гражданском суде признан подложным и потому подлежащим исследованию, суд сообщает об этом прокурору» [13].

Следующее положение преюдициального характера было закреплено в статье 29 УУС, которая гласила: «Окончательное решение гражданским судом подлежащих его рассмотрению вопросов обязательно для уголовного суда только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого» [10]. Эта статья применялась в тесной взаимосвязи со статьей 27 УУС. Для придания судебному решению по гражданскому делу преюдициального значения для суда уголовного, согласно разъяснениям Правительствующего Сената, необходимо, чтобы оно было не только вступившим в законную силу, но также и окончательным, необжалованным в кассационном порядке в установленный срок, или же признано неправильно обжалованным [8, с. 403].

Одно из самых подробных исследований о порядке применения статьи 29 УУС было проведено А. Фон-Резоном, который приводит выдержку из решения Правительствующего Сената № 877 за 1869 г., где говорилось, что решение гражданского суда, признавшего действительность и свойство события (например, злостное банкротство), не должно неминуемо повлечь за собой предание обвиняемого суду; напротив, предание это зависит, как и по всем другим уголовным делам, от результатов, добытых следствием, и если на предварительном следствии обстоятельства, бывшие в виду при возбуждении дела (т. е. бывшие в виду в гражданском суде), настолько изменятся, что не дадут твердого основания для обвинения подсудимого в приписываемом ему преступлении, то дело подлежит прекращению на общем основании, несмотря на решение гражданского суда [12, с. 44]. Следует отметить, что в 1887 г. статья 29 УУС была дополнена положением следующего содержания: «Решение же по иску, рассмотренному судом гражданским по случаю приостановления уголовного производства, ни в коем случае не стесняет уголовный суд при постановлении приговора» [12, с. 33].

В соответствии со статьей 29 УУС гражданский суд не был уполномочен установить само событие преступления. Он призывался разрешить лишь вопросы о правах и обязанностях гражданских. «Только этот вопрос решает он, – отмечал И.Я. Фойницкий, – и только его имеет в виду закон, так что, например, гражданский суд может установить наличие или отсутствие поклада, доверенности, аренды, а отнюдь не наличия или отсутствия растраты вверенного» [6, с. 50].

Статья 30 УУС закрепляла положение, в соответствии с которым окончательное решение гражданским судом по вопросам: совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и какого свойства это деяние – обязательно для суда гражданского во

всех тех случаях, когда гражданские последствия деяния, бывшего предметом уголовного суда, рассматриваются судом гражданским.

В соответствии с изложенной в статье 31 УУС нормой непризнание преступным или невменение подсудимому в вину его деяния не устраняет гражданского иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные сим деянием.

Помимо этого, в Уставе уголовного судопроизводства имелись нормы, закрепляющие духовную преисудимость (стст. 1013–1015 УУС).

В целях всестороннего анализа появления и развития преюдиции в уголовном процессе конца XIX века следует отметить, что не все поддерживали идеи преюдиции в уголовном процессе, к примеру, самым настойчивым противником гражданской преисудимости был И.Г. Щегловитов: «Существующая у нас, благодаря толкованию кассационной практики, в широком объеме, гражданская преисудимость по уголовным делам слишком часто приводит к самым вопиющим случаям отказа в правосудии. Потерпевший от преступления по делам, требующим преюдициального разрешения, обратившийся в уголовный суд, временно изгоняется из него, и хотя бы преступление по свойству своему подлежало преследованию в публичном порядке, тем не менее пострадавший от такого преступного деяния, вопреки началам официального преследования преступлений, предоставляется своим силам для борьбы с противником в гражданском суде» [14, с. 55].

В свою очередь, И.Я. Фойницкий обращал внимание на следующие недостатки преюдиции: «Порядок возбуждения преюдициальных вопросов не указан; никаких определенных правил, кому принадлежит право возбуждения их, в законе нет; в практике это возлагается на суд и на стороны; точно так же нет правил ни об отношении суда к лицу, возбуждающему вопрос, ни об обеспечении такого возбуждения, ни о сроках решения» [6, с. 47].

Следующий этап в истории белорусского права связан с утверждением в 1917 году власти Советов (советский период 1917–1991 гг.).

У.М. Юсубова утверждает, что в советском процессуальном праве преюдиция не имела прежнего традиционного значения. По её мнению, преисудимость предполагала предварительное решение определённым органом вопроса, обязательного для суда, рассматривающего уголовное дело. Следовательно, речь идёт не только о судебных решениях. Равенство граждан перед законом и судом, действие судов в единой судебной системе, построенной на общих принципах, требование законности и обоснованности – всё это исключало понимание преюдиции как преисудимости [7, с. 21].

Одно из положений о межотраслевой преюдиции было сформулировано в статье 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее по тексту – УПК РСФСР) 1922 г. Впоследствии она в неизменном виде была воспроизведена в статье 12 УПК РСФСР 1923 г., имевшей следующий вид: «Вступившие в законную силу решения гражданского суда обязательны для уголовного суда только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого». Данные документы имеют непосредственное отношение к белорусским землям в связи с тем, что УПК РСФСР 1922 и 1923 годов действовали на территории Белорусской Советской Социалистической Республики (далее по тексту – БССР). После образования Союза Советских Социалистических Республик и ввода запрета действия на территории союзных республик нормативных актов, не принятых уполномоченными органами в рамках республик, УПК РСФСР 1923 года на территории БССР трансформировался в УПК БССР 1923 года.

Н.Н. Полянский в свое время так характеризовал приведенную норму: «Закон неполон в той части (положительной), в которой он определяет, в отношении каких вопросов решение гражданского суда обязательно для уголовного. Так, закон не определяет, обязательно ли решение гражданского суда для уголовного в отношении вопросов гражданского права, когда от того или другого решения их зависит признание деяния преступным или непроступным... Закон неполон и в той своей части (отрицательной), в которой определяется, в отношении каких вопросов решения гражданского суда для уголовного не обязательны» [15, с. 26].

П.И. Люблинский, комментируя главу IV отдела I УПК РСФСР 1923 г. (о доказательствах), указывал на то, что единственным формальным доказательством, обязательным для суда, является вступивший в законную силу приговор [15, с. 58].

Отмечались и иные недостатки в правиле о преюдициальном значении решений по гражданским делам в уголовном процессе. Так, в статье 12 УПК РСФСР 1923 г. законодатель использовал термин «деяние», относящийся к области уголовного (а также административно-го) права, что давало некоторые основания для утверждений о праве судов, рассматривающих гражданские дела, на предрешение вопросов уголовного права. Отмеченная неопределенность была устранена в УПК РСФСР 1960 г., где термин «деяние» был заменен термином «действие». Кроме того, формулируя положение, содержащееся в статье 12 УПК РСФСР 1922–23 гг., законодатель использовал такие формулировки, как «гражданский суд» и «уголовный суд», хотя в тот период, как и в настоящее время, подобного разделения по специализации в судебной системе не существовало, на это обоснованно указывал К.С. Юдельсон [16].

В рассматриваемой редакции статьи не был решен вопрос о применении преюдиций на досудебных стадиях для таких субъектов, как прокурор, следователь, лицо, производящее дознание. Другой недостаток статьи состоял в том, что в ней говорилось только о «подсудимом». Это вызывало необходимость в расширительном толковании статьи 12 УПК РСФСР 1923 года, поскольку в случае применения буквального толкования получалось, что преюдициальное значение вступившего в законную силу решения суда по гражданскому делу распространяется только на стадию судебного разбирательства по уголовному делу, исключая досудебное производство.

Перечисленные недоработки были устранены законодателем, в рамках РСФСР, после принятия УПК РСФСР 1960 г., статья 28 которого гласила: «Вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого» [17].

В части правовой регламентации преюдиции в белорусском уголовном процессе следует отметить, что ни в УПК БССР, ни в одном другом кодексе Союзных Республик, принятых в 1960 году, не содержалось аналогичной нормы [18].

Таким образом, после принятия УПК БССР 1960 года норма, закрепляющая преюдицию в уголовном процессе, вновь отсутствует вплоть до конца XX века.

На пороге XXI века на всем постсоветском пространстве произошло кардинальное обновление законодательства, в том числе и регулирующего порядок производства по уголовным делам. Современный белорусский законодатель восстановил норму, регулирующую преюдицию в уголовном процессе, закрепив ее в статье 106, состоящей из 2 частей, и поместив в главу 11 «Доказывание» раздела III «Доказательства и доказывание» УПК Республики Беларусь.

Согласно части 1 статьи 106 УПК Республики Беларусь вступивший в законную силу приговор по другому уголовному делу обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки.

Часть 2 статьи 106 УПК Республики Беларусь гласит: «Вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу обязательно для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу только по вопросу о том, имело ли место само общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, о размере вреда и не может предрешать выводы о виновности или невиновности обвиняемого» [20].

Анализ указанных норм позволяет утверждать, что в правовой регламентации преюдиции в уголовном процессе существует ряд проблемных вопросов, требующих серьезного научного осмысления в целях её дальнейшего совершенствования.

При этом, к сожалению, приходится констатировать, что после принятия УПК Республики Беларусь 1999 года рассматриваемая проблематика не стала предметом отдельного теоретического исследования на монографическом уровне.

Подводя итог, следует указать на то, что первое закрепление преюдиции в уголовном процессе произошло после судебной реформы 1864 года в Уставе уголовного судопроизводства. Первоначально преюдиция употреблялась в значении предсудимости. В советский период преюдиция в белорусском уголовном процессе существовала с 1922 года до принятия УПК БССР 1960 года. Возвращение преюдиции в уголовный процесс произошло в 1999 году в связи с принятием действующего УПК Республики Беларусь.

Споры вокруг целесообразности включения правила о преюдиции в уголовном процессе, которые начались с конца XIX века, не затихают и сегодня. Многие проблемные вопросы не решены современным законодателем. Немногочисленные авторы, рассматривающие преюдицию в уголовном процессе, до сих пор не сходятся во мнении о целесообразности применения межотраслевой преюдиции. Сторонником применения в уголовном процессе межотраслевой преюдиции является, в частности, Н.А. Колоколов, который утверждает, что правоприменители, как это свойственно судьям судов общей юрисдикции, заражены обвинительным уклоном, в силу чего часто не учитывают решения суда, принятые в порядке гражданского судопроизводства [21]. В то же время А.Г. Гореликова предлагает отказаться от применения межотраслевой преюдиции в уголовном процессе. По ее мнению, судебные решения, принятые в рамках гражданского или иного судопроизводства, следует признавать доказательствами в качестве «иных документов» [22].

Таким образом, правовое регулирование преюдиции в белорусском уголовном процессе требует дальнейшего совершенствования на основе глубокого научного исследования существующих проблем в данной сфере.

Литература

1. Воронович, Т. Роль преюдициального производства в обеспечении конституционного права каждого на судебную защиту / Т. Воронович // Юстиция Беларуси. – 2011. – № 3. – С. 35–40.
2. Арбитражный процесс : учебник. – 3-е изд., испр. и доп. ; под ред. М.К. Треушников. – Городец, 2007. – С. 672.
3. Шостак, М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие для студ. высших уч. зав. по юридическим специальностям / М.А. Шостак. – Минск : Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, 2008. – 630 с.
4. Борико, С.В. Уголовный процесс / С.В. Борико. – Минск : Амалфея, 2010. – 400 с.
5. Щегловитов, И. Гражданская предсудимость по уголовным делам / И. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1892. – 3 кн.
6. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : В 2-х т. / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1910. – Т. 2.
7. Юсубова, У.М. Преюдиции в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / У.М. Юсубова. – М., 1979. – 225 л.
8. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса / под ред. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – Т. 2. – 488 с.
9. Буцковский, Н. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым) / Н. Буцковский. – СПб., 1872. – С. 24.
10. Библиотека репринтных изданий [Электронный ресурс] // Консультант плюс : Классика российского права. – М., 2011. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/73.html>. – Дата доступа : 11.12.2011.
11. Библиотека репринтных изданий [Электронный ресурс] // Консультант плюс : Классика российского права. – М., 2011. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/70.html>. – Дата доступа : 11.12.2011.
12. Фон-Резон, А.А. О 29-й статье Устава уголовного судопроизводства / А.А. Фон-Резон // Журнал гражданского и уголовного права. – 1892. – 4 кн.
13. Библиотека репринтных изданий [Электронный ресурс] // Консультант плюс : Классика российского права. – М., 2011. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/320.html>. – Дата доступа : 11.12.2011.

14. Щегловитов, И. Применение давности к уголовным делам, требующим преюдициального разрешения / И. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1891. – Кн. 7.
15. Люблинский, П.И. Уголовно-процессуальный кодекс : научно-популярный практический комментарий. – 2-е изд., перераб. и доп. / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский. – М. : Изд-во «Право и жизнь», 1928. – 428 с.
16. Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. – М. : Госюриздат, 1951. – С. 222.
17. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под научн. ред. В.Т. Томина. – М. : Вердикт, 1996. – С. 60.
18. Березин, А.С. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Березин. – Н. Новгород, 2006. – 245 л.
19. Зайцева, Л. Первая «пятилетка» нового УПК Республики Беларусь : успехи, недостатки и планы на будущее / Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 11. – С. 25–30.
20. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=НК9900295&p2={NRPA}>. – Дата доступа : 10.01.2012.
21. Колоколов, Н.А. Преюдиция. Преступления в сфере экономики : факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные / Н.А. Колоколов // Юрист. – 2009. – № 6. – С. 56–65.
22. Гореликова, А.Г. Преюдиции в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Гореликова. – М., 2010. – С. 135.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 07.05.13